

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470)16/18'

Н. И. Сазонова

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ РЕФОРМА ПАТРИАРХА НИКОНА (1654–1666 ГГ.) И ИДЕЯ ПРАВОСЛАВНОГО ЦАРСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПРАВЛЕНИЯ ТРЕБНИКА)

Рассматривается литургическая реформа патриарха Никона в связи с идеей православного царства. Исследуется понимание православного царства патриархом Никоном и проявление этого понимания в «исправлении» богослужебных текстов на примере Требника.

Ключевые слова: православие, литургическая реформа патриарха Никона, богослужебные тексты, Требник, православное царство.

Говоря о сложной и неоднозначной личности патриарха Никона, историки, как правило, обращают особое внимание на аспект взаимоотношений патриарха с царем и, шире, церкви с государством. Отмечая «неограниченную дружбу» [1, с. 244] царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, исследователи прежде всего подчеркивают активность Никона в области государственной жизни, его вмешательство в управление (вплоть до наименования патриарха «великим государем»). Обычно обращается внимание на то, что все эти особенности взаимоотношений с государством были вызваны как личными качествами патриарха, так и его принципом «священство выше царства», в котором также обычно выделяется политический аспект. При этом, как правило, отношения церкви и государства рассматриваются отдельно от таких аспектов реформы патриарха Никона, как богослужебные и обрядовые изменения, которые вызвали наиболее острую реакцию верующих. В таком случае патриарх Никон предстает прежде всего как политический деятель, чье противостояние с государством, носившее как личный, так и идейный характер, закончилось поражением (низложением) патриарха [2]. Такой подход, по-видимому, берет начало со времен известного церковного собора 1666 г., низложившего Никона, но подтвердившего правильность его богослужебных и обрядовых реформ; таким образом, уже современники склонны были рассматривать государственные взгляды Никона вне связи с богослужебными и обрядовыми реформами, вызвавшими церковный раскол. Это, однако, во многом противоречит тому, что мы знаем о личности патриарха Никона, отличавшейся цельностью.

Стоит отметить такой общеизвестный факт, как обстоятельства возникновения дружбы царя и будущего патриарха: именно строгое монашеское подвижничество Никона, его твердая вера произвели наибольшее впечатление на отличавшегося ре-

лигиозностью Алексея Михайловича. Важным обстоятельством представляется и то, что духовным наставником будущего патриарха был известный пустынножитель Елеазар Анзерский, оказавший на мировоззрение Никона сильное влияние [3]. В связи этим встает вопрос: были ли «личные амбиции» Никона действительно «личными» и «политическими» в светском понимании этого термина и имели ли они связь с религиозным, а не только с политическим контекстом? Представляется, что для удовлетворительного разрешения этого вопроса стоит взглянуть на реформу Никона так, как видел ее сам реформатор, т. е. в неразрывном единстве религиозного и политического, или точнее, религиозно-политического аспекта.

В этой связи необходимым является обращение к основному направлению реформы – «справе» богослужебных текстов. Отметим, что если исторические аспекты никоновского книжного «исправления» в последние годы получают отражение в работах исследователей [4–9], то смысловое содержание произведенных реформой изменений богослужебного текста все еще остается малоизученной областью. Особенность богослужебного текста состоит в том, что он оказывает определяющее влияние на формирование религиозного сознания и в силу этого содержит в себе и элементы этого сознания – от видения церковных догматов до роли религии в повседневной жизни, отношения к молитве. Соответственно, изменения текста могут повлечь за собой и изменения в тех или иных аспектах религиозного сознания. И поэтому особенно интересно, какие изменения претерпели содержащиеся в тексте представления о духовной и светской иерархии.

Никоновская литургическая реформа отличалась от всех предшествующих своей масштабностью. Естественно, что объем предстоящей здесь ученому работы очень велик, и более или менее од-

нозначный ответ на вопрос о роли текстовых изменений в расколе может дать только полное исследование изменений во всех богослужебных книгах. В то же время предварительные выводы могут делаться и по результатам изучения одной или нескольких богослужебных книг, поскольку такая выборка может считаться репрезентативной с точки зрения выявления основных тенденций книжной sprawy. Именно поэтому мы обратимся в настоящей статье к рассмотрению исправления лишь одной из богослужебных книг – Требника.

Выбор этого источника продиктован его распространенностью в среде верующих: Требник является одной из важнейших богослужебных книг. Он содержит в себе последования совершения основных таинств Церкви (кроме таинств евхаристии и священства), основные чины и молитвы, совершаемые священником по просьбе прихожан. Таким образом, Требник тесно связан с повседневной жизнью верующих, что и делает этот источник интересным объектом исследования.

При анализе изменений, внесенных никоновской реформой в текст Требника, наиболее плодотворным представляется сопоставление никоновских текстов с текстами богослужебных книг, изданных в период деятельности «кружка ревнителей благочестия» (II четверть XVII в.), так как именно эти дониконовские тексты в основном воспринимались старообрядцами как правильные и истинные. В частности, это Требники 1636, 1639, 1647 и 1651 гг., экземпляры которых сохранились как в фондах музеев и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга, так и в фондах региональных музеев и библиотек.

В период активного участия патриарха Никона в реформе Требник был издан единожды – в 1658 г. До соборов 1666–1667 гг., но уже без участия патриарха, издание Требника было предпринято еще раз, в 1662 г. В этот период «междупатриаршества» была в основном сохранена преемственность в проведении исправления богослужебных книг: Требник 1662 г. имеет практически тот же состав, что и Требник 1658 г. Издания 1658 и 1662 гг. сохранились в фондах Государственного Исторического музея, Государственной публичной библиотеки, библиотеки Академии наук РФ, в фондах региональных музеев и библиотек [10].

При рассмотрении изменений в богослужебных текстах в интересующем нас аспекте обращает на себя внимание существенное расширение и увеличение количества молитвенных прошений о царе и патриархе. В богослужебные тексты вводятся ранее не совсем привычные прошения «о благочестивейшем, тишайшем государе нашем», «о благочестивейшем царевиче и благородных царевнах», «о христоробивом воинстве». Одновременно вводится ранее отсутствовавшее прошение «о святейшем

патриархе» (вместо дониконовского «о патриархе нашем») [11, л. 57 об.–59; 12, л. 74–74 об.; 13, л. 74–74 об.; 14, с. 208–212; 15, л. 14–16 об.]. Полемисты с реформой подчеркивают, что на фоне этих изменений произошло принижение роли священника в совершении ряда богослужебных действий: так, священникам было запрещено освящать церкви, совершать монашеский постриг [16]. Однако понимание этих изменений противниками реформы как проявлений личной «гордости» Никона [17, с. 245] представляется несколько упрощенным и не учитывающим того, что и в положении священника, его статусе по отношению к мирянину также произошли существенные изменения. Именно эти изменения во многом дают ключ к пониманию нового видения царства и патриаршества, отраженного в никоновских текстах. Наиболее нагляден в этом отношении чин Исповеди.

Вот лишь один фрагмент из обширного (занимающего несколько десятков страниц) обращения священника к исповеднику в дониконовском Требнике: «...И ты, чадо, не устыдися лица человека, вси бо грешны есьмы, не потаи в себе ни единого греха, еже согрешил еси от юности до сего часа... Не устыдися лица моего, но вся ми исповеждь, вся бо Господь Бог весть... исповеждь без стыдения, **аз бо таков же человек и грешнее всех человек**» [12, л. 147 об.–150; 18, л. 16 об.–19] (выделено мною. – *Н. С.*). Как видим, в дониконовском понимании Исповедь – не только исповедь грешника, но также акт смирения и покаяния самого священника. Совершенно иную тональность получило обращение священника к исповеднику в никоновском Требнике. Изменение тональности и сути обращения было столь серьезно, что потребовалось изменить текст полностью: «Се, чадо Христос невидимо стоит, приемля исповедание Твое. Не усрамяся, ниже убойся, и да не скрыеши что от мене, но не обинуяся рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Се, и икона Его пред нами, аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред ним вся, елика речеши мне. Аще ли что скрыеши от мене, сугуб грех имаши...» [14, с. 65; 15, л. 54 об.]. Здесь, как видим, нет и речи о личной греховности священника. Напротив, он возвышается над кающимся. Однако причиной возвышения становится не личная гордыня: таинство совершает не просто человек, а носитель Благодати священства. В таком случае личная его греховность намного менее значима, чем сама Благодать таинства Исповеди.

Таким образом, священник, совершающий таинство – это не столько конкретный человек со своими страстями и грехами, сколько «вообще» священник, «представитель» священства. И личное его покаяние только будет «затемнять» эту основополага-

ющую истину: вот почему из чина той же Исповеди удалено большое количество покаянных молитв и псалмов. В связи с возвышением понимания священника находится и характерное изменение в чине Крещения: если в дониконовском Требнике сосуд с елеем (освященным маслом) для помазания мог держать «кум» (крестный отец крещаемого), т. е. мирянин, то в никоновском Требнике держать сосуд с елеем предписано диакону, т. е. духовному лицу [12, л. 102 об.–103; 14, с. 43–44].

Обобщенным становится в результате реформы и понимание монашества: самым характерным проявлением этого стало объединение двух чинов монашеского пострига. До реформы существовало два чина пострижения: для иноков и для инокинь. Чины практически текстуально совпадали (кроме расхождения в текстах отдельных тропарей). Реформаторами на основе чина пострижения иноков был создан единый чин монашеского пострижения, а пояснения, касающиеся пострижения инокинь, были помещены в скобках. Таким образом, реформой создавался некоторый обобщенный образ «монаха вообще», в принципе не имеющий отношения к полу.

Возможно, что необходимость подчеркивания значения священного сана вызвала достаточно серьезные изменения в чине священнического погребения: если ранее чин был основан на чине погребения мирян (с некоторыми изменениями, связанными с тем, что умерший – духовное лицо), то в никоновскую редакцию Требника включен чин, радикально отличающийся от дониконовского как порядком совершения, так и содержанием, наличием множества совершенно особых молитв и тропарей.

Приведенные примеры наиболее ярко характеризуют направленность реформы на возвышение духовного сана, отраженную и в сочинениях главного реформатора – патриарха Никона, утверждающего, что «священство боле есть царства» на основании коренного качественного различия царств земного, «исполненного зол», и Царства Небесного, которое «не таково, но поеже прияти его мир, живот, радость, веселие». «Почто низводиши священство, горе сидящее на небеси?» – резко вопрошает патриарх своего оппонента, боярина Стрешнева [19, с. 283]. Точно таким же образом обобщенно понимается патриаршество (отсюда и эпитет «святейший», применяемый не к конкретному патриарху, а к патриаршеству как таковому), возвышается и представление о царстве, что ведет к максимальной сакрализации власти, невозможной при конкретном, личностном восприятии «данного» царя, а не «олицетворения царской власти». Возможно, этот «внешний» аспект реформы – большее почитание царской власти за счет ее обобщенного понимания – был привлекателен с политической точки зрения и действительно мог использоваться

сторонниками сильной государственной власти из числа политической элиты. Однако целостный анализ обрядовых и богослужебных изменений показывает, как представляется, что цели патриарха-реформатора были куда шире политических.

Нет сомнений, что принцип «священство выше царства» действительно являлся одним из основополагающих для патриарха Никона. При этом в словосочетании «православное царство» слово «православное» для него было главным. Идеалом Никона было не столько православное царство как теократия, сколько «царство православных», «поеже прияти его мир, живот, радость, веселие», где народ – «царственное священство» (1 Петр. 2:9). И уже с этой точки зрения можно рассматривать «возвышение» – духовное, а не политическое – патриаршества и царства (а не патриарха и царя), а также священства (а не конкретного священника). В этом случае сам принцип соотношения священства и царства может рассматриваться не как вопрос отношений церковной и светской властей, а как принцип соотношения духовного, представленного священством, и мирского, представленного в том числе и светской властью. При этом для религиозного человека решение вопроса о приоритете священства перед царством представляется органичным, очевидным и никак не связанным с какими-либо личными амбициями священнослужителей, скорее, это ведущий принцип духовной жизни.

Проблема, однако, состояла в том, что идея патриарха Никона натолкнулась как на политическое противодействие (со стороны царской власти, имевшей определенные амбиции и намерения, не связанные с духовной жизнью), так и на непонимание значительной части верующих, тогда как патриарх Никон пытался «построить» идеальное религиозное общество путем реформ «сверху». Несмотря на то, что идеи патриарха Никона находились в рамках традиционной парадигмы «Святой Руси», резкое и одномоментное изменение понимания священства, патриаршества, царской власти вызвало непонимание. Например, протопоп Аввакум искренне недоумевает по поводу эпитета «святейший» в отношении патриарха и применения подобных эпитетов к царю, возмущаясь, как можно «жива человека в лице святым называть» [20, с. 85].

«Трагедия реформатора» обычно понимается как достижение реформами результата, обратного намерениям вдохновителя реформы. Именно такая «трагедия реформатора» характерна и для патриарха Никона. Его реформа натолкнулась на противодействие прежде всего самой благочестивой (в дониконовском понимании) части верующих, т. е. людей, хорошо понимавших семиотическое содержание как обрядовых действий, так и богослужебных текстов. Резкое, одномоментное (и спрово-

ждаемое репрессиями против оппонентов) изменение видения священства, патриаршества, царской власти воспринято было как «искоренение имени Христова», «гордыня» патриарха и даже уклонение в ересь. Эта ситуация могла вызвать общее ослабление религиозного чувства и, вместо по-

строения искомого «православного царства», повсеместное падение церковного авторитета. Именно эти процессы и начались в церкви после реформы, таким образом представляя результат, прямо противоположный тому, на который рассчитывал патриарх-реформатор.

Список источников и литературы

1. Знаменский П. В. История Русской церкви. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 1996. 478 с.
2. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад: Тип. М. Елова, 1902–1912. Т. 1–2.
3. Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский. Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 231–242.
4. Аввакум, протопоп. Послание к некоему Ионе // Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. СПб., 1900. Приложение. С. 26–37.
5. Поздеева И. В. Московское книгопечатание первой половины XVII века // Вопр. истории. 1990. № 10. С. 147–158.
6. Дадыкин А. В. О производстве и распространении первых двух изданий Пролога на Московском Печатном дворе // Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор: факт и фактор истории русской культуры. М., 2007. Кн.1. С. 117–156.
7. Агеева Е. А. Требник 1658 г.: история издания // Патриарх Никон и его время. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 174–188.
8. Крылов Георгий (протоиерей). Книжная справа XVII века: Богослужбные Минеи. М.: Индрик, 2009. 496 с.
9. Сиромеха В. Г. Кавычные книги 50–х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 75–84.
10. Сазонова Н. И. Текстология «исправления» Требника при Патриархе Никоне // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 3 (66). С. 112–116.
11. Требник. М.: Печ. двор, 26.IX.1651. РГАДА СПК 3518. 688 л.
12. Требник. М.: Печ. двор, 29.VII.1639. БАН № 195 СП. 668 л.
13. Требник. М.: Печ. двор, 29.VIII.1636. РГАДА БМСТ/СПК 1386. 524 л.
14. Требник. М.: Печ. двор., 10.XII.1658. РНБ Инв. № 970. 1030 с.
15. Требник. М.: Печ. двор, 24. II.1662. РГАДА БМСТ/СПК 17. 369 л.
16. Деяния Собора 1666 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: Б. и., 1878. Т. 2. С. 9–19.
17. Романо-борисоглебского попа Лазаря роспись вкратце церковным раздорам, их же собора Никон патриарх со Арсением чернцем от разных вер / Лазарь // Мат-лы для истории раскола за первое время его существования. М.: Б. и., 1878. Т. 4. С. 179–256.
18. Требник. М.: Печ. двор, 7.I. 1647. ГИМ Щап. № 177. 265 л.
19. Возражение, или Разорение смиренного Никона, бывшего Московского патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу, и на ответы Паисеевы // Никон, патриарх. Труды. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 197–463.
20. Аввакум. Книга толкований и нравочений // Демкова Н. С., Сесекина И. В. Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравочений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым. В кн.: Древлехранилище Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1990. С. 60–99.

Сазонова Н. И., доктор философских наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: nataly-sib@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.01.2012.

N. I. Sazonova

THE LITURGICAL REFORMS OF PATRIARCH NIKON (1654–1666 GG.) AND THE IDEA OF THE ORTHODOX KINGDOM (ON THE MATERIAL TO REPAIR THE TREBNIK)

The article considers the liturgical reforms of patriarch Nikon in connection with the idea of orthodox kingdom. Explores the understanding of the orthodox kingdom patriarch Nikon and the manifestation of this understanding in the “correction”, the liturgical texts on the example of the Trebnik.

Key words: *orthodoxy, the liturgical reforms of patriarch Nikon, the liturgical texts, the Trebnik, orthodox kingdom.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nataly-sib@mail.ru